

Летом 1936 года наше еще не нюхавшее порошу поколение смотрело на экранах первые выпуски фронтовой кинохроники, присланной из сражающейся Испании кинооператором Романом Карменом. Он снимал там, в Сантандере и Бильбао, Толедо и Мадриде, самое начало тех долгих и жестоких боев с фашизмом, в которых потом всем нам так или иначе пришлось принять участие, прежде чем они кончились падением Берлина.

Тогда, глядя на кадры, присланные Карменом из далекой Испании, мы, тогдашние молодые поэты, страстно завидовали этому незнакомому нам человеку, который с камерой в руках оказался на первой линии огня, на первой линии боев с фашизмом. Мы завидовали ему, потому что тоже хотели там быть, тоже хотели оказаться в сражающейся Испании и помогать всем, чем только можем, нашим далеким братьям — испанским республиканцам.

Наша зависть была благородной и безнадёжной — в Испанию ехали добровольцами только те, кто был там нужнее всего. А мы не принадлежали к их числу.

Всматриваясь теперь в кадры старой, снятой Карменом испанской хроники, я понимаю то, чего не понимал по неопытности тогда, много лет назад, — какой тяжкий и мужественный труд фронтового кинооператора стоит за этими кадрами осажденного Алькасара или сражающегося Мадрида! Сейчас я понимаю, какая мера опасности подстерегала человека, снимающего какую-нибудь, казалось бы, не столь эффектную на экране перебежку солдат или наступающие под пулеметным огнем республиканские цепи.

Для того чтобы оценить мужество фронтового кинооператора, работавшего тогда без нынешней техники, без нынешних мощных телеобъективов, надо, глядя на эти старые кадры, всякий раз мысленно представлять себе ту точку, на которой находился человек с киноаппаратом. Сейчас, после войны, я хорошо представляю себе это и высоко ценю то незаурядное мужество, которое неизменно сопутствовало Кармену с самого начала его фронтовой работы, оставаясь при этом, если можно так выразиться, «за кадром».

Я не был знаком с Карменом в ту пору, когда он вернулся из Испании; я лишь несколько раз видел его издали, его рано начавшую седеять голову, его кожаную испанскую курточку на молнии с орденом Красной Звезды — одним из самых первых боевых орденов, полученных у нас людьми искусства в те еще продолжавшие считаться предвоенными 30-е годы.

А потом Кармен вдруг исчез из Москвы. И вскоре прошел слух, что он со своим киноаппаратом где-то далеко, в глубине Китая, там, где 8-я армия китайских коммунистов сражается с японскими самураями.

Слухи соответствовали действительности. Следующий, второй фронтовой работой после Испании для Кармена оказался Китай. Оттуда, из Китая, Кармен привез фильм, пахнувший порохом и говоривший о не-

стигаемом мужестве китайского народа.

И какие бы горькие, странные и даже не уместяющиеся в нормальном человеческом сознании политические метаморфозы ни происходили потом с некоторыми из деятелей, возглавлявших в те годы вооруженную борьбу с японскими захватчиками, все равно этот фильм, сделанный тогда Карменом в гуще тех героических боев, остается и поныне замечательным историческим документом, полным любви к китайскому народу.

К началу Великой Отечественной

Кармен снимал и в снежных полях под Москвой, и в обледелом голодном Ленинграде, и в развалинах Берлина. Четыре года он летал, ездил, ходил и ползал дорогами войны. И если правильно говорят, что талант — это труд, то это был поистине свирепый труд, густо замешанный на опасностях и лишениях.

Не буду перечислять всего, что было сделано Карменом за годы войны. Для того чтобы выразить мое отношение к его работе военных лет, скажу лишь одно — кинохронику времен Великой Отечественной вой-

До сих пор я говорил о Кармене как об одном из самых выдающихся и неутомимых деятелей нашего документального кино.

Но деятельность Кармена не исчерпывается тем, что он сделал в кино. Книга «Но пасаран!» свидетельствует о том, что Роман Кармен соединяет в одном лице и «бывалого человека», необыкновенно много видевшего и активно участвовавшего с киноаппаратом в руках во многих исторических событиях, и литератора — человека, владеющего пером.

На всем протяжении этой книги речь идет о значительных событиях; материал, который в ней дается, всегда интересен и достоверен. Как литератор и журналист Кармен всегда опирается на тот непреложный фундамент фактов, которые он сам десяти, двадцать или тридцать лет назад снял на пленку. При всем разнообразии положенного в основу книги документального материала, она все-таки воспринимается вся вместе как единое целое. И представляет собой хотя и написанный в разное время и в разной манере, но цельный по своему духу рассказ во многих отношениях замечательного человека о своем труде и о своей жизни, неразрывно связанной с целой эпохой в жизни нашего общества.

Говоря о духовной цельности всей книги записок Романа Кармена, хочу отметить, что ее страницы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, как мне кажется, представляют особо значительный интерес и по масштабу исторических событий, участником которых был автор, и по своим литературным достоинствам.

Кармен не только выдающийся кинематографист, но и опытный литератор. Эта литературная опытность чувствуется и в тех разделах его книги, которые были написаны давно, а сейчас значительно дополнены и отредактированы автором. Однако мне приятно отметить, что именно в последние годы, работая над главами своей книги, посвященными Великой Отечественной войне, Кармен окреп как художник: стал писать сильнее, ярче, глубже. Его всегда было интересно читать. Но никогда не публиковавшиеся раньше новые главы его книги читаются с еще большим, дополнительным интересом в силу своей большей изобразительности, большей художественной глубины. И радостно думать о человеке, перешагнувшем за шестой десяток, что он окреп и вырос как художник именно в этой своей последней по времени работе.

В книге, как мне кажется, очень к месту дано отступление в собственную биографию Кармена. Его рассказ об отце, о своих детских и юношеских годах помогает нам понять, почему этот человек стал именно таким, каким мы увидели его в книге, где его корни, с чего он начинал в жизни. Почему выбирал в ней без колебаний трудные и опасные дороги, неуклонно выполняя свой долг гражданина Страны Советов, интернационалиста, солдата революции с киноаппаратом в руках.

Константин СИМОНОВ.

НО ПАСАРАН!

По просьбе читателей С. Матвиенко (Калининград Московской области), Н. Куликовой (Москва) и других, которые из очередной передачи «Радиокниголюб» узнали о новой книге кинорежиссера Р. Кармена «Но пасаран!», мы подробно рассказываем о ней.

В издательстве «Советская Россия» в серии «Годы и люди» вышла книга «Но пасаран!». Это мемуары известного советского кинодокументалиста, лауреата Ленинской премии, режиссера Романа Кармена.

Кинокамера Кармена запечатлела такие важнейшие события довоенных лет, как пуск Волховострой, первый трактор на полях совхоза «Гигант», строительство Днепротреста, экспедиция по поискам Леваневского. Он снимал бои в Испании, не расставался с киноаппаратурой с первого до последнего дня Великой Отечественной войны...

Роман Кармен вспоминает о встречах с Циолковским и Хемингуэем, Папаниным и Иорисом Ивенсом, Гербертом Уэллсом и Михаилом Кольцовым, Мате Залной и Дорлорес Ибаррури, рассказывает о своих товарищах — деятелях советского кино.

Публикуем послесловие к книге «Но пасаран!», написанное Константином Симоновым.

войны за плечами у Кармена оказались уже две большие войны, месяцы и годы, проведенные на фронте или в прифронтовой полосе, а в архивах кинохроники лежали тысячи и тысячи метров снятой им фронтовой кинохроники.

До войны я знал Кармена только по его картинам. Впрочем, это не так мало. Почерк кинооператора есть выражение человеческого характера. Военные хроники, снятые Карменом до Великой Отечественной войны, заставляли предполагать, что у человека, державшего в руках этот аппарат, мужественная душа, неутомимый характер и железная выдержка в работе.

И первые же личные встречи на войне подтвердили все эти предположения.

На каких только дорогах мне не доводилось встречать Кармена во время войны: и на Западном фронте, и на украинских фронтах, и под Вязмой, и под Яссами, и на Висле, и на Одере, и на площади перед рейхстагом, и в Карлсхорсте, в зале, где подписывался акт о безоговорочной капитуляции фашистской армии.

Я видел его и веселым, и злым, и здоровым, и больным, охрипшим, простуженным, забитованным, еле державшимся на ногах, но всегда и всюду снимающим, снимающим, еще раз снимающим, невзирая на погоду и непогоду, обстрелы и бомбежки, дорожные пробки, заносы и прочие, как говорится, привходящие обстоятельства.

ны так же нельзя представить себе без работ Кармена, как невозможно представить себе наши газеты военного времени без публицистики Эренбурга.

Май 1945 года был огромным психологическим рубежом в жизни каждого из нас.

Я помню Кармена в те дни, на этом рубеже, на ступенях рейхстага, совершенно больного, с замотанным бинтами горлом, охрипшего, без голоса, осатанелого от количества работы, деятельного, напряженного и бесконечно счастливого нашей победой.

Но, вспоминая его таким в последние дни войны и думая о его работах, сделанных им за послевоенные годы, я мысленно перекидываю мостик от тех военных работ к этим. И не только потому, что среди послевоенных работ оказались и новые военные работы, такие, как фильм о сражающемся Вьетнаме, но и потому, что дух мужества сопровождает Кармена и в тех его фильмах, которые, казалось бы, наполнены самым мирным содержанием. Его работы о нефтяниках Каспия — это работы, эпиграфом к которым можно было бы поставить слова поэта «И всюду бой...». Бой с трудностями, с природой, со стихией, стремление преодолеть, казалось бы, непреодолимое. Нефтяники Каспия для Кармена были тоже солдатами, сражающимися на передовой, и он снимал их там, на передовой, снимал так, как это умеют делать настоящие фронтовые кинооператоры.